

Он лежал на сухой земле, прижатый к пыли с такой силой, что каждый вдох давался сквозь сжатые зубы, будто воздух стал гуще, а тело - чужим; его плечи врезались в растрескавшуюся почву, а по бокам, как тиски, стояли ноги незнакомца, сомкнувшиеся вокруг него, словно ворота, запечатавшие путь назад, и в этом положении, где достоинство Святого Владыки Ледяного Снега было смято одним движением, Цзян Синчжи впервые за долгие столетия ощутил не гнев и не страх, а странное оцепенение, как будто время сломалось, а он сам стал чужим в собственной судьбе.

Он попытался шевельнуться и не смог.

Ци в его жилах всё ещё текла, хотя и с трудом, будто застывшая река под тонким льдом, и он выплеснул её в удар, забыв о всех правилах боя, с яростью, с отчаянием, с тем безымянным ужасом, что рождается, когда бессмертный вдруг вспоминает, что может быть сломлен. Он рванул головой, врезался плечом в грудь нападавшего, пытаясь сбросить его, как человек, утопающий в болоте, пытается сбросить с себя тяжёлый камень.

Бах!

Звук вышел глухим, будто удар по набитому мешку с песком, и энергия, способная в прошлом расцедь гору, разбилась о невидимую стену, не оставив ни трещины, ни вибрации, ни малейшего колебания в пространстве. В этом мгновении Цзян Синчжи понял, что перед ним стоит не смертный, не ученик, не соперник, а тот равный, чья сила, возможно, превосходит его самого, чья духовная плоть срослась с Дао так, что даже воздух вокруг него дрожал, как струна, натянутая до предела.

Их столкновение вызвало взрыв: пыль взметнулась столбом, деревья вокруг хрустнули и переломились, будто куклы, брошенные детьми, а листья закружились в воздухе, как обрывки сожжённых свитков. В земле, вокруг них, проступили трещины, будто сама почва не выдержала напряжения их соприкосновения.

Они лежали, вплотную, как два противоположных полюса, притянутых силой, которую невозможно объяснить логикой: руки к рукам, грудь к груди, дыхание - в дыхание. Цзян Синчжи чувствовал, как чужое тепло проникает сквозь ткань, как пульс другого бьётся в унисон с его собственным сердцем, и в этом смятении, когда разум отказывался принимать реальность, он рванул коленом вверх ... но не успел. Его нога оказалась зажата между сильных бёдер, сжатых с такой силой, что даже дыхание перехватило, и он выдохнул сквозь стиснутые зубы — «Хмм!» — коротко, сдавленно, почти стон.

Борьба длилась недолго.

Он оказался на спине. Руки были по-прежнему прижаты к земле. А сверху этот человек, медленно, почти нехотя, перекинул бёдра, прижав его ещё плотнее, будто пытался вернуть что-то утерянное, что нельзя назвать, но можно почувствовать кожей.

Цзян Синчжи задышал чаще.

— Ты... — начал он.

Мужчина вдруг опустился и положил подбородок ему на плечо.

Тук.

Лёгкий, но чёткий звук.

Руки, державшие его, едва заметно, как будто по нервам прошёл ток, дрогнули. Горячее дыхание обжигало ухо. Чёткий, ровный стук сердца, передавался через грудную клетку, проникал в его собственную грудь, будто пытался сбить ритм. И что-то Лёгкое, почти невесомое скользнуло по шее. Но по позвоночнику пробежала дрожь.

Цзян Синчжи напрягся.

— ...Господин, — выдавил он, севшим голосом.

Тишина.

Глубокая, как бездонный колодец. Только ветер шуршал в сухой траве, будто шептал что-то древнее.

Через долгое мгновение мужчина издал низкое:

— Хм. — И тут же, с упрямым спокойствием добавил — Куда собрался?

— Туда, где меня больше всего ждут, — ответил Цзян Синчжи, голос его прозвучал чуть резче, и более дерзко, чем хотелось бы.

Наверху повисла странная тишина.

Как будто он сказал что-то слишком знакомое.

Он воспользовался паузой, и резко дёрнул запястьем, пытаясь высвободиться.

Кожа коснулась кожи.

Руки у этого человека были огромные, жилистые, покрытые тонкими шрамами. Температура тела почти как у кузнеца, только что вышедшего из горна. А его собственная кожа была ледяная, как снежная ночь в горах. От этого легкого прикосновения — оба вздрогнули. Словно

ток прошёл по хрупким венам. Словно прошлое ударило в лицо.

Пальцы, державшие его, сжались сильнее.

— Почему ты такой холодный? — хрипло прошептал он.

Цзян Синчжи всё ещё лежал лицом в пыль.

— Господин, подумайте... о том, что вы только что сделали, — произнёс он, стараясь, чтобы в голосе не дрогнуло ни одной ноты.

Тишина.

Потом - медленное движение.

Руки разжались. Мужчина сел, отстраняясь. И наконец Цзян Синчжи смог увидеть его лицо.

У этого извращенца, были Высокие, чёткие брови. Глаза - как нефрит, глубокие, но холодные. Несколько чёрных прядей упали на переносицу. Красивое до боли Лицо. Жёсткое. Властное.

Тёмная, плотно облегающая одежда подчёркивала телосложение: широкие плечи, узкая талия, линии мышц, будто выточенные из камня.

Цзян Синчжи видел за свою долгую жизнь множество людей. Но такой редкой и почти опасной красоты он не встречал. Жаль, что она принадлежала такому маньяку.

"Извращенец" нахмурился.

Потом снова не грубо, а осторожно, почти бережно взял его за запястье и начал растирать ладонь, словно пытаясь согреть. Ресницы опустились, скрывая взгляд. Но по тому, как дрожали пальцы, как напряглась шея было ясно, что он слишком обеспокоен.

— Что с тобой? — спросил он.

Цзян Синчжи смотрел на него.

На это лицо, на эти руки, на этот странный, почти тревожный интерес.

И вдруг понял, что этот человек вёл себя не как насильник. Не как хищник, а как... врач. Как тот, кто нашёл умирающего на снегу и теперь пытается понять, почему он не греется.

На мгновение он растерялся и выдернул руку.

— В любом случае... что это было, господин?

Как только он освободился - пальцы мужчины дрогнули. Едва заметно, но Цзян Синчжи увидел.

Тот посмотрел на него. Тонкие губы шевельнулись.

— Я принял тебя за другого. — Ответил он низким, хриплым голосом, , будто после долгого молчания.

Цзян Синчжи прищурился.

— Вот как?

Мужчина смотрел прямо.

— Да.

Цзян Синчжи молчал. Он не верил, но и доказать ничего не мог.

Он указал на своё лицо:

— Мы так уж настолько похожи?

Чжун Мин опустил взгляд.

Лицо Цзян Синчжи было в считанных сантиметрах.

Бледное и холодное, как горный нефрит. Высокие брови, глубокие расслабленные, почти ленивые глаза, с чуть приподнятыми уголками. С налётом дерзкой насмешки. Той самой, что вспыхивала в каждом их споре, в каждой стычке, в каждом мгновении за последние... сотни лет.

Всё исчезло в один удар грома.

А теперь - вернулось.

— Очень похожи, — сказал он медленно.

Тёмные глаза оставались все так же непроницаемы.

Цзян Синчжи почувствовал, как по спине пробежал холод.

Он попытался нервно улыбнуться.

— Неужели ваш враг?

Взгляд Чжун Мина стал острым будто нож, вонзившийся в плоть.

«...»

И вдруг ... он улыбнулся.

Это лицо, жёсткое, почти враждебное, озарилось почти неестественной улыбкой. Но очень красивой. Смертельно красивой.

Он посмотрел на Цзян Синчжи.

— Да. Кровная вражда.

Улыбка Цзян Синчжи застыла.

—Это чувствуется, — прошептал он.

И впервые за долгое время ... на самом деле почувствовал значение этих слов.

Тот всепоглощающий напор, что обрушился на него мгновение назад, был настолько ужасающим, что, не будь у Цзян Синчжи культивации пика Махаяны, любой обычный человек был бы раздавлен, как насекомое под камнем, превращён в кровавую мазь без единого стога. И кто бы ни осмелился раздражить столь беспощадного существа - тому, несомненно, светило грядущее, полное ран, предательств и долгих ночей, проведённых в бегах.

К счастью, этим человеком оказался не он.

Цзян Синчжи медленно поднялся, стряхивая пыль с синего рукава, будто смахивал с себя прикосновение прошлого. Движение было плавным, почти ленивым, но в каждом жесте сквозила холодная ирония, как у аристократа, вежливо указывающего слуге на дверь.

— Раз, господин, вы ошиблись, — произнёс он, не поворачиваясь, — можете уладить свои старые счёты и отправляться по своим делам. Мы ведь не обязаны становиться ближе из-за чужой вражды.

Он зашагал вниз по каменистой тропе, где сухая трава шуршала под ногами, как пересохшие свитки, оставленные на ветру. Ветер касался его лица, но он не чувствовал тепла, только пустоту между мирами.

Через несколько шагов он почувствовал шаги за спиной.

Не спешные. Не скрытные. А такие, будто тот человек просто Должен идти за ним, как тень за луной.

Цзян Синчжи остановился.

Медленно обернулся.

— Я лишь похож на вашего врага, господин, — сказал он, глядя прямо в те нефритовые глаза, что ещё минуту назад прижимали его к земле. — Не вижу причин следовать за мной, будто я тот, кого вы ищете.

Чжун Мин стоял неподвижно, как изваяние из чёрного обсидиана. Лицо оставалось бесстрастным, но в уголке глаза мелькнула тень, будто что-то глубоко внутри дрогнуло.

— Это по пути, — ответил он спокойно, будто объясняя ребёнку очевидное.

Цзян Синчжи молчал.

Он смотрел на него, но вдруг понял, что этот человек не идёт за ним. Он идёт с ним.

Как будто дорога, которую он только что начал, уже была проложена давным-давно.

Без слов, без объяснений, он шагнул в сторону, освобождая путь.

— Прощу, — сказал он с лёгкой усмешкой, — вы можете идти вперёд. Я выберу другую тропу.

И прежде чем тот успел ответить, Цзян Синчжи взмахнул рукавом и исчез, растворившись в вспышке света, как капля воды, испарившаяся над пламенем.

На пустынной тропе осталась лишь одна фигура.

Чжун Мин стоял, глядя в ту сторону, где только что был другой. Ветер шевелил его тёмные волосы, будто пытался что-то прошептать. В уголке его губ дрогнула едва заметная, как трещина на ледяной поверхности тень улыбки .

Но он тут же подавил её. Опустил взгляд на свою ладонь. Там ещё оставалось ощущение холода, как от прикосновения к снегу, застывшему под луной. Холод, который не должен был быть. Холод, который не мог исчезнуть.

Он сжал пальцы.

И остался один.

Цзян Синчжи летел над бескрайними полями, где земля расстилалась, как старый ковёр, выцветший от времени. Ветер свистел в ушах, но он не слышал его, так как его божественное сознание уже скользило вперёд, ощупывая пространство, как слепой, идущий по краю пропасти.

На полпути к городу он почувствовал резкий сбой в потоке ци , словно кто-то бросил камень в спокойную реку.

Он изменил курс.

И через мгновение, он уже приземлился в низине, среди редких деревьев, чьи листья были тусклыми, пожелтевшими, будто сама природа здесь страдала от недостатка силы. Вскоре вдалеке возникли пять-шесть аур, приближающихся с нарастающей скоростью.

Лидер был тяжело ранен, тело его с трудом держалось на ногах, но он бежал - бежал так, будто за ним гналась сама смерть. За ним следовали ещё четверо или пятеро, все на стадии формирования основ.

Сквозь просветы листвы Цзян Синчжи увидел человека в серой короткой тунике, прижимающего руку к животу. Кровь сочилась сквозь пальцы, пропитывала ткань, стекала по бедру. Дыхание его было тяжёлым и прерывистым. Лицо - искажено болью, но в глазах не было и следа отчаяние, а лишь упрямый, животный огонь выживания.

Преследователи кричали:

— Чжу Янь! Нарушение правил карается смертью! — Задыхаясь, от долгого бега, орали преследователи — Сдавайся! У тебя нет выбора! Ты уже в дикой местности , так что разве что бессмертный сможет спасти тебя!

Расстояние сокращалось.

Надежда - таяла.

На лице Чжу Яня проступило глухое отчаяние, как у зверя, загнанного в угол.

И в этот самый миг ...

...ветер внезапно сменил направление.

Тихий, но ощутимый, будто кто-то провёл ладонью по поверхности воды.

Бах!

Преследователи словно врезавшись в невидимую стену отлетели назад и споткнувшись, упали на колени.

Они остановились.

Осмотрелись.

— Кто здесь?! — выкрикнул лидер, хватаясь за оружие.

Ответ пришёл не снизу и не сверху, а со всех сторон сразу, будто гора заговорила:

— Это территория горного божества. Кричать и сражаться здесь строго запрещено.

Голос был далёким, но чётким, как удар колокола в тумане.

Преследователи замерли.

— ...

Лидер нахмурился. Гнев вскипел в груди.

— Горное божество? Да кто-то просто издевается! — бросил он и, не раздумывая, метнул скрытый дротик в сторону голоса.

Острый свист пронзил воздух.

Вжжж!

И тут же тёмный железный дротик упал на землю, разрубленный пополам.

А ровно посередине его торчал тонкий зеленый лист, будто кто-то сорвал его с дерева и бросил с такой силой, что он рассек металл, как бумагу.

Повисла тишина.

Даже ветер замер.

Преследователи смотрели на это, не в силах пошевелиться.

А в чаще, за деревьями, Цзян Синчжи стоял, сложив руки в рукавах, и смотрел на них, как бог на муравьёв, осмелившихся войти в его храм.

<http://bllate.org/book/15487/1373239>